

ЮБИЛЕИ

Сегодня знаменитый драматург и прозаик Леонид Зорин празднует свое 80-летие. Но не иссякли творческие запасы жизнелюбивого человека — они фонтанируют постоянно и ярко. В приснопамятные советские времена драматургу приходилось балансировать на проволоке партийных оценок и капризов Главлита. Автор расплачивался за эти муки своей жизнью.

Невообразимо, Леонид Генрихович написал 48 пьес. Он автор нескольких романов, в которых покоряют сила убеждений мыслителя, чувства и признания тонкого психолога. Он по-прежнему бодр и свеж и — удивительно — не дожил до седин! Писатель не может не стремиться к высокой температуре творчества, "чтоб обжигало". И что радостно — неизменно себя ощущает приговоренным к молодости.

— Леонид Генрихович, вы как-то цитировали Кортасара, самозабвенно вспоминая свое ликование перед началом. Это ликование возникало в нем "как неумемое желание кусать и скрежетать зубами от наслаждения". Когда вы впервые испытали нечто подобное?

— Аргентинский кудесник писал все это о творческом процессе, который, видимо, чем-то сродни любовной горячке. Но Кортасар чувствовал и его драматизм. Когда приступаешь к работе, испытываешь в самом деле нечто сходное с ликованием. Зато, завершив ее, ты сталкиваешься со многими разочарованиями. Иной раз встречаешься с непониманием, иной раз совсем недоволен собой — видишь большое несоответствие замысла его воплощению.

В свое время вокруг пьесы Зорина "Медная бабушка" кипели недюжинные страсти. Ролану Быкову не позволили конгениально сыграть Пушкина. Властные товарищи считали, что он слишком неказист. Зорин писал о великодушном лицедее Ролане Быкове в роли Пушкина: "В каком-то чаду я смотрел на сцену, испытывая предсмертный восторг".

— По телевидению прошла премьера фильма-спектакля "Медная бабушка" в постановке Михаила Козакова. Знаю, вам представление понравилось. Что вас порадовало в телевизионном Пушкине?

— Я высоко оцениваю работу нашего славного Михаила Козакова над последней моей пьесой, показанной в середине октября по телевидению. Я думал, что соревноваться с Быковым в роли Пушкина в мхатовской постановке этой пьесы — зряшное дело. Но работа Виктора Гвоздицкого показалась мне по-настоящему убедительной. Он отлично показал, что суть конфликта не в оппозиционности, не в конфронтации, а в одиночестве гения.

— В одном интервью вы не очень лестно сказали о качестве нашего населения. А каково качество наших правящих структур?

— Что и говорить, нашей стране крепко досталось, она совершает свой переход в новую формацию гораздо многочисленнее своих соседей по лагерю. Моя долгая жизнь сделала все, чтоб убить во мне интерес к политике и убедить, что он неизменно бесплоден. В одной из последних своих работ — в романе "Забвение" — я говорю об этом достаточно внятно.

ПРИГОВОРЕННЫЙ К МОЛОДОСТИ

Драматургу и прозаiku Леониду Зорину — 80

Но не могу с вами не согласиться: со "структурами" не повезло. Чуть не всякий день получаешь тому доказательство. Градоначальница нашей северной столицы посещает Туркменбаши, без усталости восхищается "фантастическим" Ашхабадом и самим хозяином в качестве несравненного вождя всех туркмен и непревзойденного философа наших дней, чьи труды она теперь будет усердно изучать.

Другой ведущий представитель верховной администрации обрушивается на тех, кто осмелился "сметь свое суждение иметь", и называет их "пятой колонной". Дальше, кажется, идти некуда. Да, за "структуру" испытываешь жгучий стыд, но это не снимает ответственность и с самой страны, которая регулярно выносит их на поверхность. И это самое печальное в нашем историческом бытии.

Южный человек по рождению, Зорин однажды, после спектакля "Варшавская мелодия", пригласил к себе пообедать очень известную американскую писательницу Лилиан Хэлман. Ей тогда было 75. Возник удивительный душевный контакт. Зорин признался: "И вот я смотрю в ее глаза, мерцающие таким достоинством, которое могут даровать одни лишь свобода и суве-

ренность, слышу негромкий и глубокий голос, слежу за этой гордой осанкой, за этой статью — и будто шалею, просто не могу оторваться".

— Скажите, Леонид Генрихович, где нашей работающей женщине занять эту гордую осанку? В вечно нищей России баба вынуждена взвалить на себя мужские обязанности. Итог однобокого хозяйствования не очень хорош: гнутая спина, угасающий взгляд и подавленность. Отчего выродился у нас род мужской?

— Как известно, всякое обобщение страдает односторонностью. И среди мужчин попадаются достойные люди. Но, безусловно, наши женщины по-прежнему остаются ежедневным министерством чрезвычайных ситуаций — по-прежнему тушат пожары в домах и стараются унять разогнавшихся скакунов. Уж такие особенности национального жизнепорядка, как теперь невесело шутят. Разумеется, женщины вызывают чувство восхищения и благодарности. Можно было бы пожелать им терпения, но тут сразу вспоминается покойный генералиссимус, который очень высоко оценивал эту нашу добродетель. Это рождает подозрение — так ли она безобидна?

— Цицерон в сочинении "О старости" ставит в пример молодым консула и писателя Катона Старшего, который в свои 84 по-прежнему: счастье зависит от состояния души, а вовсе не от болезней, от обстоятельств — они случайны. Вы, вероятно, очень счастливый человек?

— Нет, я не могу сказать этого о себе, именно потому, что счастье зависит от состояния души.

— А что в душе делается?

— А в душе нехорошо.

— С творчеством это не связано — вы столько написали! Хватило бы на несколько жизней.

— Нет. Вообще нехорошо. Это печально. Я человек печальный.

— Но глаза у вас веселые, в разговоре загораются добротой и лукавством.

— Коли так — хорошо. (Смеется.)

— Ваш сын Андрей где сейчас живет и чем увлечен?

— Преподает в Оксфорде: он исследователь литературы — русской и западной. Жду его приезда на свой праздник. У Андрея уже появилась внучка Рита, ей год. Теперь я прадед, и мне жалко, что не увижу, как ее жизнь сложится.

— Вам до ста лет еще далеко. Увидите ее в расцвете лет. Ваши пьесы идут за рубежом. Где в последний раз ставили?

— В прошлом году в Нью-Йорке по второму разу поставили "Варшавскую мелодию". На зарубежные театры обижаться не могу, они много поставили — 78 постановок двенадцати моих пьес шли за границей.

— Заграничные менеджеры зовут вас в гости?

— Есть предложения, но я не поеду — уже плохо хожу: "Начинается развязка, завершается сюжет".

Нет! Сила и страсть возрождаются в писателе с каждым новым замыслом.

Наталья ДАРДЫКИНА.